

Слово редактора

ЧИТАЯ ХАННУ АРЕНДТ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛЖИ, НАСИЛИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗДАРНОСТИ (статья 1)

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье анализируется концепция насилия Ханны Арендт и осуществляется попытка применить эту концепцию в осмыслении практики войн XX века, в которых принимал участие Советский Союз. Особое значение для автора статьи имеет тезис Х. Арендт о совпадении лжи и насилия. Этот тезис автор связывает с понятием «нелегальной войны» и предлагает использовать данное понятие как концепт, удовлетворяющий критериям дискуссионности.*

Ключевые слова: *политическая бездарность, ложь, насилие, война, Ханна Арендт, политическая философия.*

Ложь, насилие и политическая бездарность — главные характеристики русского, советского и постсоветского государственного разума. Доказательств тому много, но основными являются два факта: на протяжении XX века руководители Российской империи и СССР вовлекли страну в две мировых войны. Связанные с войнами трагедии до сих пор тревожат общественное сознание, социально-философскую и политическую мысль. Внедрение в процесс реформ модели силового предпринимательства укрепило господство в современной России военно-промышленного комплекса и полицейских структур [См.: Волков 2012; Олейник 2001; Олейник 2011]. Поэтому после 25 лет реформ страна опять вернулась к разбитому корыту «России во мгле», с которого началась советская история [См.: Гонтмахер 2016а; 2016б; 2017а; 2017б]. Значит, необходим поиск форм освобождения России от монархического, советского и постсоветского наследия, связь между которыми транслирует ложь, насилие и политическую бездарность в сегодняшний и завтрашний день.

Для выполнения очередного этапа данной задачи я продолжаю освоение политической философии Ханны Арендт. Она разработала систему критериев для анализа и оценки социальных и политических процессов в тоталитарных, демократических и посттоталитарных странах [Арендт 2014а; Макаренко 2015]. Эта система базируется на главной правде XX века: устарели различия между солдатом и гражданским лицом, армией и мирным населением, во-

енными объектами и мирными городами, на которых покоились дефиниции военных преступлений Гаагской конференции. «На самом деле эти преступления уже никак не зависели от войны, они ознаменовали собой политику продолжения систематических убийств в мирное время... Понятие об агрессии как тягчайшем международном преступлении было молча забыто» [Арендт 2008: 383–384].

Продолжение систематических убийств в мирное время и забвение понятия агрессии как международного преступления образуют политический соблазн, в который до сих пор впадает большинство государственных деятелей. В эссе «Истина и политика» Арендт показала, что любое насилие включает ложь. В книге «О насилии» она детально обосновала это положение. Теоретическое значение книги «О насилии» выходит за границы того исторического момента (1969 г.), когда она была написана [Ямпольский 2014: 116–144]. «Критическая мысль Ханны Арендт оказалась верна не для её времени, но скорее для нашего... Пользуясь излюбленной ею аналогией с античным миром, нетрудно увидеть: главные наши занятия продолжают не дела свободных граждан, но скорее дела рабов» [Эткинд 2001: 305]¹. Какие именно занятия способствуют воспроизводству рабства?

Книга «О насилии» состоит из трех глав и приложения. Первая глава посвящена проблеме переоценке связи между войной и политикой, вторая — проблеме бюрократии как новой и чудовищной формы политического господства, в третьей главе рассматриваются корни и природа насилия. Для ответа на поставленный вопрос я реконструирую основные идеи первой главы, а затем помещу их в контекст советской и постсоветской реальности.

Переоценка связи между войной и политикой

Поводом для размышлений Х. Арендт стали студенческие бунты 1968 г. Она рассматривает их в контексте XX века — эпохи войн, революций и насилия. Ко времени написания книги «О насилии» эволюция средств насилия достигла стадии, на которой исключена любая политическая цель, соответствующая их разрушительному потенциалу и оправдывающая их применение в вооружённом конфликте. Война как верховный арбитр международных споров потеряла всякую эффективность и блеск. Целью холодной войны между сверхдержавами и гарантией мира является наибольшее устрашение, а не победа. Кто бы ни выиграл, конец обоим! Как выпутаться из безумия этой ситуации? — ставит вопрос Ханна Арендт.

Она начинает ответ с отбрасывания восходящей к Клаузевицу традиции определения войны как продолжения политики насильственными средствами. Взамен предлагает формулировку парадокса насилия в категориях «цель-средство»: сам факт, что те, кто совершает средства уничтожения, достигли такого уровня технического развития, когда благодаря находящимся у них в распоряжении средствам война как цель их деятельности оказалась на грани исчезновения, фиксирует непредсказуемость, с которой мы сталкиваемся в сфере насилия [Арендт 2014b: 9].

Арендт описывает причины непредсказуемости. Главной из них является тождество национальной независимости и государственного суверенитета. Угроза войны сохранится до тех пор, пока национальная независимость (свобода от иностранного господства) отождествляется с государственным суверенитетом (претензия на неограниченную власть в международных делах). «Закат Европы» начался с политического банкротства национального государства и его концепции суверенитета. Поэтому Арендт предлагает разделить независимость и суверенитет по образцу США, в которых тождество между ними исключено. Но ядерная война между сверхдержавами тоже исключена. Поэтому формула Клаузевица уже не отно-

¹ Замечу попутно, что оценка А. Эткиндром творчества Х. Арендт требует детального разбора.

сится к развитым странам, а только к отношениям между неразвитыми странами. Согласно Арендт, повод к началу ядерной войны произойдёт в тех частях планеты, где древняя максима «у победы нет альтернативы» по-прежнему близка к истине. Стало быть, идеология победы свидетельствует не о мудрости государственных деятелей, а описывает тысячулетнюю **рутину** международных отношений.

Для выхода за пределы рутины Арендт вводит концепт действительных событий, которые прерывают рутину и разрушают схему предсказания, основанную на экстраполяции нынешнего положения дел в будущее. Основанием истинности данного концепта является высказывание Прудона: «Плодовитость непредвиденного далеко превосходит предусмотрительность государственного деятеля». Арендт направляет концепт непредсказуемости событий против всех государственных деятелей, транслирующих рутинные процессы и процедуры. **Насилие — основа государственной рутины!** — таков исходный пункт ее рассуждений.

При доказательстве его истинности Арендт осуществляет обзор основных подходов к описанию насилия: все исследователи истории и политики признают огромную и вечную роль насилия в человеческих делах, но никто из них не поставил под вопрос ни насилие, ни произвол государственных деятелей, применяющих его по собственному выбору. Между тем этот вопрос вытекает из переворота в отношениях между властью и насилием после второй мировой войны. Ради победы ведущие державы создали военно-промышленный комплекс, который не был разрушен после войны. Поэтому за войной последовал не мир, а холодная война. Следствием войны является господство в современном обществе военного потенциала и военных технологий. Арендт отвергает такое господство и предупреждает, что вскоре произойдёт переворот в отношениях между малыми и большими державами. Объем насилия в распоряжении страны уже не будет показателем ее силы и гарантией против разрушения со стороны меньшей и слабой державы.

Для аргументации она использует теорию и практику революции. В ней выражена связь между насилием в международных делах и внутренней политикой государства. Ненадёжность насилия в международных отношениях увеличивает его привлекательность во внутренних делах. Это подтверждается сходством между риторикой новых левых о насилии и верой Мао Цзэдуна в то, что «власть растёт из дула винтовки».

В начале XX в. левые были убеждены, «...что всякие заговоры не только бесполезны, но и вредны» [Там же: 17–18]. Но на протяжении XX в. в левом движении существовали исключения из правил. Сорель, Сартр и Фанон пытались вывести обоснование насилия из текстов Гегеля (согласно которому человек «производит» себя посредством мышления) и Маркса (который считал, что эту функцию выполняет труд). Однако мышление и труд — мирные занятия. Поэтому Арендт считает, что поворот левой мысли к насилию не имеет отношения к Гегелю и Марксу, а вытекает из опыта довоенного и послевоенного поколений. Довоенное поколение обрело опыт вторжения уголовного насилия в политику. Узнало о советских и нацистских концлагерях смерти, геноциде, пытках, массовом военном истреблении гражданских лиц. Послевоенное поколение выросло в тени атомной бомбы. Поэтому современный культ насилия отражает прежде всего практику тотального государственного насилия в XX в., образцы которого сложились в СССР и нацистской Германии. Маркс питал иллюзию об обществе свободных производителей и освобождении производительных сил. На деле освобождение оказалось замедлено во всех странах, переживших революцию. Наука вошла в состав военно-промышленного комплекса и достигла стадии, на которой «нельзя сделать практически ничего, что нельзя было бы превратить в войну» [Там же: 23].

Арендт показывает ложность риторики нового культа насилия. Эта риторика вытекает из невежества в истории бунтов и революций и отсутствия средств осмысления беспрецедентных событий и новшеств. Обычно о насилии мечтают его жертвы. Но бунты и восстания

воплощают взрывы «безумной ярости». Отождествлять движения национального освобождения с подобными взрывами — значит предрекать их крах, не говоря уже о том факте, что их маловероятная победа привела бы к изменению не мира или системы, но только к смене лиц [Там же: 28–29].

В заключение первой части Арендт подвергает критике идею Прогресса как товара с «современной ярмарки суеверий», которая соединяла либерализм, социализм и коммунизм в «левое движение». Составными частями ее критики являются следующие аргументы: обвинение либералов в непоследовательном сочетании верности Прогрессу с отказом поклоняться Истории в марксистском или гегелевском понимании [Там же: 33]; отбрасывание гегелевско-марксовской идеи органичности общества и истории как «единственно возможной концептуальной гарантии» непрерывности исторического прогресса, поскольку эта гарантия основана на метафоре и не является прочным фундаментом для построения доктрины; отбрасывание всех остальных концепций истории («вечное возвращение», расцвет и упадок империй, случайная последовательность принципиально несвязанных событий), поскольку ни одна из них не гарантирует непрерывность линейного времени и исторического прогресса; признание античной идеи начального «золотого века» и вывода о непрерывном упадке единственным конкурентом марксизма; эта идея и вывод подтверждается вечной характеристикой любой индивидуальной жизни, которая неминуемо закончится смертью; поэтому в отношении всех надындивидуальных концепций сохраняют истинность аргументы Канта и Герцена против прогресса²; квалификация идеи прогресса как последнего аргумента в пользу руководства для действия; этот аргумент ложен, поскольку обосновывает политический активизм и связанное с ним большинство нынешних политических и экономических теорий; идея прогресса — это разновидность иррациональной религиозной веры, согласно которой ничего нового и неожиданного случиться не может; эта вера оправдывает связь естественных и гуманитарных наук с военно-промышленными комплексами и тоталитарными режимами и потому тоже должна быть отброшена; «Иначе говоря, — констатирует Арендт, — прогресс уже не может служить критерием, по которому мы оцениваем запущенные нами катастрофически быстрые процессы перемен [Там же: 39]. Отсюда вытекает, что вера в прогресс в XX веке оправдывала рутину международного и странового насилия.

В отличие от марксистов, либералов и социалистов Арендт подчёркивает роль абсолютно неожиданных событий³. Она положительно оценивает студенческий бунт именно за то, что он был совершенно неожиданной реакцией на милитаризацию науки, стал поводом для обнаружения пределов либерализма, марксизма и социализма, и показал способность студентов противостоять повседневному эгоизму и манипуляции. Арендт отвергает такой взгляд на историю, когда насилие (в виде войн и революций) рассматривается как единственное средство, которое может прервать непрерывный и неизбежный хронологический исторический процесс. На деле любое действие может прерывать все автоматические и предсказуемые процессы.

Можно ли использовать идеи Ханны Арендт для анализа и оценки советской и постсоветской истории и политики? Для полного ответа на вопрос требуется сопоставление всей

² Кант писал: «Всегда удивляет то, что старшие поколения трудятся в поте лица как будто исключительно ради будущих поколений, а именно для того, чтобы подготовить им ступень, на которой можно было бы выше возводить здание, предначертанное природой, и чтобы только позднейшие поколения имели счастье жить в этом здании». Ему вторил Герцен: «Человеческое развитие — это форма хронологической несправедливости, поскольку потомки могут пользоваться трудами предшественников, не платя ту же цену» [Арендт 2014b: 35].

³ «Весь наш опыт в текущем столетии, — пишет Х. Арендт, — которое постоянно сталкивало нас с абсолютно неожиданными вещами, вопиющим образом противоречит этим идеям и доктринам, сама популярность которых, видимо, заключается в том, что они предлагают уютное — спекулятивное или псевдонаучное — убежище от реальности» [Арендт 2014b: 36–37].

политической философии Ханна Арндт со всем спектром существующих концепций войны, революции, государства и политики, а также с реальной политической практикой всех государств XX века, включая СССР/Россию. Эту задачу в рамках статьи выполнить невозможно. Но можно вдохновиться идеями А. Пятигорского: политическая философия должна отвергать политические мифы и политический жаргон власти (типа «противостояние Востока и Запада», «страны третьего мира», «урегулирование политического кризиса» и пр.), отбрасывать политологию по причине ее холуйства перед властью и анализировать ключевые понятия «абсолютная власть», «абсолютное государство», «абсолютная революция», «абсолютная война» [Пятигорский 2007]. Такая ориентация совпадает с идеями Ханна Арндт, политической концептологии и целями данной статьи. Покажу несколько направлений ответа на поставленный вопрос.

Неизвестные войны как предмет рефлексии

Ханна Арндт проанализировала опыт революций, войн и тоталитарных систем XVIII–XX вв. Но результаты ее анализа совершенно не учитываются в книге М.Ю. Ларина и А.В. Хватова. Они считают войны неотъемлемой составляющей существования государств и применяют концепцию Клаузевица для оправдания советско-российской концептуальной и государственной рутины. Неизвестные войны СССР/России описываются для того, чтобы раскрыть глаза на конфликты, детали которых держались в секрете или искажались в СМИ. «Сейчас уже можно, и даже нужно снять гриф секретности с этих столкновений, ведь военнослужащие, пострадавшие в них, заслуживают этого ничуть не меньше, чем герои перевернувших историю войн — и те и другие пали, защищая Родину» [Ларин, Хватов 2012: 16–17].

Однако в книге приведены факты, которые позволяют собирать первичный эмпирический материал для конкретизации концепции Ханна Арндт на материале советской и постсоветской реальности. Например, в современной российской пропаганде превалируют темы российского/советского участия в первой и второй мировых войн и связанные с ними идеологемы поражения и победы [Мартыанов, Фишман 2016: 310–328]. В отличие от этой идеологической моды авторы собрали под одной обложкой материал о 20 неизвестных войнах, в которых участвовал СССР, и 7 войнах, в которых участвовала Россия⁴. Хотя в один общий мешок брошены войны и полицейские операции, этот феномен отражает советско-российскую практику и позволяет систематизировать порождаемые ею проблемы, которых практически не видят авторы.

В советский период возникли проблемы адекватного отражения военных потерь, поводов к пограничным конфликтам, советско-финской и советско-немецкой войнам⁵. Во всех

⁴ Речь идёт о следующих военных конфликтах (польская кампания 1919–1920 гг., советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 гг., советская помощь Испании 1936–1939 гг., помощь Китаю 1923–1941, японская агрессия у озера Хасан 1938 г., японская агрессия у реки Халхин-Гол 1939 г., советско-финская война 1939–1940 гг., гражданская война в Китае 1946–1950 гг., война в Корее 1950–1953 гг., события в Венгрии 1956 г., Карибский кризис 1962–1964 гг., помощь Алжиру 1962–1964 гг., война во Вьетнаме 1965–1973 гг., арабо-израильские войны 1967–1974 гг., события в Чехословакии 1968 г., события на острове Даманский в марте 1969 г., бои у озера Жаланашколь в августе 1969 г., сомалийско-эфиопская война 1977–1979 гг., война в Анголе 1975–1991 гг., война в Афганистане 1979–1989 гг., конфликт в Нагорном Карабхе 1988–1994 гг., приднестровский конфликт 1989–2011 гг., грузино-осетинский конфликт 1991–1992 гг., грузино-абхазский конфликт 1992–1993 гг., чеченские войны 1994–2009 гг., боевые действия в Дагестане 1999 г., российско-грузинский конфликт в Южной Осетии 2008 г. [См.: Ларин, Хватов 2012: 16–17].

⁵ В советско-польской войне погибло 25 тыс. красноармейцев, 60 тыс. попало в плен, 45 тыс. были интернированы немцами, несколько тысяч пропало без вести. Потери с польской стороны 15 тыс. убитых и пропавших без вести и 22 тыс. раненых. При конфликте на КВЖД 281 чел. были убиты, пропали без вести и умерли от ран, ранено 729 чел. У китайцев было убито 3 000 чел., 8 000 получило ранения, в плен попало 12 000 чел. В

случаях официальная политическая ложь претендовала на ранг истины⁶. Число потерь до сих пор затрагивает интересы вовлечённых в конфликт сторон по причине спорности критериев подсчёта потерь и другим методологическим и политическим поводам [Беляков 2017]. Нарушение государственной границы считается основанием для начала военных действий (события у озера Хасан, на острове Даманском и на озере Жаланшколь), хотя их смысл спустя время дезавуируется⁷. При развязывании советско-финской войны правительство СССР заявило, что считает себя свободным от обязательств, которые оно взяло на себя в силу «Пакта о ненападении» между СССР и Финляндией в 1932 г.⁸. Поэтому нарушение Германией пакта о ненападении между СССР и Германией в августе 1939 г., было не менее «обоснованным», чем поведение СССР при начале советско-финской войны. В любом случае ни одна из противоборствующих версий начала войны не может считаться истинной, поскольку критерии отбора событий для объяснения начала, а также их временной охват были и останутся спорными. Выбор одной из версий означает явную или скрытую ложь, ибо универсальных критериев выбора не существует.

ходе конфликта у озера Хасан было убито 600 японцев и около 2,5 тыс. ранено. Советские войска понесли потери 792 чел. убитыми и более 3 200 ранеными. Количество жертв советско-финской войны точно неизвестно. 29 марта 1940 г. на шестой сессии Верховного Совета СССР было объявлено: убито 48 745 советских военнослужащих, 158 863 чел. ранено, а у финнов было убито 70 тыс., ранено 150 тыс. По данным финнов, с их стороны было убито 19 576 чел., ранено 43 557 чел., без вести пропали 4101 чел. Долгое время эти сведения были официальными. Затем профессор М.И. Семиряга утверждал, что было убито 53 552 советских солдат, без вести пропали 16 208 чел., ранено 176 тыс. В архивах есть иные сведения о потерях СССР: убито было 131 476 чел. (не считая потерь НКВД и ВМФ), ранено 325–330 чел. Первоначально данные о потерях Красной армии были занижены. В событиях венгерской «красной осени» 1956 г. СССР потерял убитыми 720 военнослужащих, 51 чел. пропало без вести, ранено и травмировано 2 260 чел. Венгров погибло 2 502 чел., ранено 19 229 чел., 842 было депортировано в СССР. В главе по Алжиру сообщается, что численность советского контингента с 1962 по 1991 г. в Алжире составляла 10 367 чел. Из них 411 солдат и сержантов срочной службы. В 1978 г. на территории Алжира присутствовало 2 000 советских генералов. С 11 июля 1965 г. по 31 декабря 1974 г. во Вьетнаме в качестве военных специалистов побывали 6 359 советских генералов и офицеров, из которых 13 погибло. Солдат не было никаких. В событиях на острове Даманском со 2 по 15 марта 1969 г. советская сторона потеряла 58 чел. погибшими, 94 было ранено, 5 чел. получили звание героя Советского Союза. По советским данным было убито 700 чел., китайцев, по китайским данным их погибло 6 000 тыс. Во время сомалийско-эфиопской войны военные действия унесли жизни 79 советских военнослужащих, раненных 9 чел., 5 пропало без вести, 3 оказались в плену [Ларин, Хватов 2012: 41, 63, 97, 138, 233, 311].

⁶ О понятии и типологии политической лжи см.: Койре 2013: 353–370.

⁷ Как впоследствии выяснилось, конфликт у озера Хасан произошёл потому, что граница была нарушена (на несколько метров или сантиметров — до сих пор неясно...) советскими, а не японскими пограничниками. События на острове Даманском начали развиваться 14 марта 1969 г. В 15:00 служащие Иманского пограничного отряда получили приказ от неизвестного лица убрать с Даманского пограничные отряды. Едва пограничники ушли с острова, его тут же заняли группы китайских военнослужащих. Кто был этим «неизвестным лицом», отдавшим приказ, который затем был отменен? — не сообщается. Последовал бой. А в 1991 г. остров Даманский был передан китайской стороне. В августе 1969 г. произошли события на озере Жаланашколь. После того как в Москву поступил доклад о произошедшем на советско-китайской границе событии, на заставу пришёл приказ: «Берите больше трупов и трофеев». Как выяснилось позже, трупы были нужны для доказательства провокации со стороны Китая. Однако в момент, когда пограничники узнали об этом, трупы уже были закопаны, а снова извлекать их и транспортировать на стоявшей в то время сорокаградусной жаре было невозможно. Но вскоре по договорённости правительств сторон конфликта, гробы с трупами китайцев передали на их родину [Ларин, Хватов 2012: 90–92, 301].

⁸ Советская версия начала советско-финской войны такова: 26 декабря 1939 г. в 15:45 советские войска, которые были расположены в километре северо-западнее от деревни Майнила, были обстреляны с территории Финляндии. Погибло 3 солдат и 1 младший командир, 7 красноармейцев и 1 младший командир были ранены. На заводах и фабриках СССР начались митинги протеста под заголовками «Провокаторы просчитались!», «Горе тому, кто вызовет ярость советского народа!», «Проучить зарвавшихся вояк!» и проч. [Ларин, Хватов 2012: 132–133]. Однако в книге К. Маннергейма сообщается, что советская версия опиралась на провокацию. Поэтому правота скорее на стороне Финляндии [Маннергейм 2014: 285–287; См. также: Волковский 2000].

Поддержка правительством СССР любой стороны конфликта в другом государстве тоже способствует лжи. Например, в период гражданской войны в Китае СССР поддерживал Мао Цзедуна в противоборстве с Чан Кайши [Ларин, Хватов 2012: 139–154]. Кто был прав в той ситуации, — с учётом последующего развития событий в самом СССР, в отношениях между СССР и Китаем, в отношениях Китая с остальными государствами, а также с точки зрения мировой истории? Однозначный ответ на вопрос невозможен. То же самое можно сказать по поводу всех фактов и видов поддержки СССР/Россией противоборствующих сторон во всех странах на протяжении XX в. Например, в 1962 г. мир оказался на грани ядерной войны по причине произвольного выбора советским руководством поддержки руководства Кубы. Оказывается, этот выбор был сделан потому, что Куба оказалась лучшим вариантом размещения советских ракет, т. к. с её территории можно было нанести удар по стратегически важным американским объектам, включая Вашингтон, тогда как из СССР советские ракеты долетали только за 25 мин. Но в ноябре 1992 г. начался вывод российских военнослужащих с территории Кубы [Там же: 190–192].

Вооружённые силы и службы советской разведки СССР принимали участие во всех арабо-израильских конфликтах, в том числе в арабо-израильской войне 1967 г. В настоящее время территории, перешедшие под контроль Израиля в результате войны 1967 г., определяются ООН, ЕС, США, РФ и большинством стран мира как оккупированные; но МИД Израиля настаивает на квалификации данных земель как спорных территорий. Сразу после окончания войны начался рост арабского терроризма. Следовательно, СССР несёт свою долю ответственности за создание абсурдной ситуации, которая заставляет расширять понятие «родины» до любой точки пространства, где находятся советские вооружённые силы и разведка⁹. Но при такой трактовке родины все остальные государства тоже имеют право аналогично относиться к остальному миру. Такая «защита родины» порождает проблемы неопределённости территории и границ государства, а также пересмотра понятия родины в соответствии с политической конъюнктурой¹⁰.

В данном случае особенности истории иудейского народа, генезиса и функционирования государства Израиль рассматриваются как точка отсчёта, что само по себе спорно [Джонсон 2001; Дубнов 1998]. Возникает проблема использования результатов исторической компаративистики при написании истории любого народа и государства. Между тем большинство историй народов и государств написаны по иным стандартам. Если учесть, что на протяжении XX века число государств увеличилось в четыре раза по сравнению с началом, то тогда переписывание истории становится нормой.

Кроме того, указанный подход к определению территории и границ государства обеспечивает любой произвол любого правительства, которое обычно отождествляет себя с государством. Стало быть, сфера лжи увеличивается по мере роста числа государств на планете и государственных деятелей, заимствующих такую неопределённость для обоснования собственного произвола.

⁹ «Нелёгкая армейская служба, тяготы и лишения полевой жизни, да и просто — тяжёлый для непривыкшего человека жаркий климат пустыни не смогли заставить советского солдата отказаться от понятий „долг“, „честь“, „родина“. Зачастую с риском для жизни и здоровья солдаты СССР несли свою службу на вражеских территориях, защищая мир и покой не только своей страны, но и ее ближайших восточных соседей» [Ларин, Хватов 2012: 255].

¹⁰ «На сегодняшний день, в результате долгих войн, конфликтных ситуаций и спорных моментов, связанных с захваченными и оккупированными землями, необходимо признать, что территория и границы Израиля окончательно не определены. Само государство, чтобы не поднимать в очередной раз тонких и неприятных вопросов, при решении которых необходимо, в том числе, и прислушиваться к ответам арабского правительства, воздерживается от официального определения своих границ; большинство израильских юристов считает, что территория вообще не является обязательным элементом государства» [Ларин, Хватов 2012: 256].

Мой отец, комментируя свой жизненный опыт в советских условиях, высказывался так: «Власть никогда не хочет оставлять в живых свидетелей её дел». Сохраняется ли это правило и в межгосударственных отношениях правительств СССР/России с другими странами?

Фабрикация лжецов и феномен секретных войн

В. Набоков давно уже предложил рассматривать деятельность правительств и рекламных агентств как яркие воплощения пошлости. «Советское правительство, — писал он, — самая пошлая организация на свете, не допускающая ни индивидуального поиска, ни творческой смелости... В современной России — стране моральных уродов, улыбающихся рабов и тупоголовых громил — перестали замечать пошлость, поскольку в Советской России развилась своя, особая разновидность пошляка, сочетающая деспотизм с поддельной культурой» [Набоков 1996: 22, 388]. Необходимым элементом такого сочетания является культивирование лжи как массового явления.

Советское правительство обязывало своих подданных становиться лжецами. Советские лётчики принимали участие в войне в Корее (1950–1953 гг.), но были предупреждены, что им запрещено попадать в плен. В противном случае Советский Союз отказался бы от изменника и его родственников [Ларин, Хватов 2012: 159]. Культивирование лжи переплелось с секретными войнами, которые вёл Советский Союз в Анголе, Сомали и Афганистане¹¹. Уже со времени советско-польской войны военно-политическое руководство СССР начало эксплуатировать националистические, религиозные и сепаратистские факторы для достижения внешнеполитических целей. Склоняя на свою сторону многочисленные народы бывшей империи гарантиями национальной государственности, большевики сделали ставку на национализм как на политическую силу и идеологию. Руководство РКП(б) уже в начале 1920-х гг. обсуждало вопрос о необходимости подготовки «советских шариатистов» — гибрида коммунистов и мусульман. Эта идея была реализована во время советско-афганской войны [См.: ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос... 2005; Тайны национальной политики... 1992]. Например, 2-й мусульманский батальон, сформированный в 1980 г. для участия в войне в Афганистане, вначале предназначался для возможных действий на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, поэтому его солдаты были уйгурами [Ларин, Хватов 2012: 336].

¹¹ «Участие советских военных в ангольских междоусобицах было одной из самых секретных операций Советского Союза — настоящей секретной войной... В политическом плане правительство СССР преследовало цель — поддержать просоветский режим и дать отпор тем силам в Анголе, которые опирались на поддержку США и других капиталистических стран. Насколько оправданной оказалась такая стратегия — до сих пор ответ на этот вопрос дать достаточно сложно, но в то время был чрезвычайно популярен лозунг о всемирной поддержке всех наций, стремящихся к коммунизму. Факт участия советских военных в боевых действиях в СССР предпочитали замалчивать — это было выгодно для внешней политики» [Ларин, Хватов 2012: 318–320]. Помощь республике Ангола обходилась советской власти в 50 млн. руб. в год. Такие же обязательства по поддержке независимости Анголы были у Италии, Китая, Норвегии и других стран. А банды «унито», которых субсидировали США, получали 500 млн. долл. от Белого дома и 500 млн. долл. от ЦРУ. По официальной статистике в Анголе с 1975 по 1991 г. побывало примерно 11 тыс. советских военнослужащих: 107 генералов и адмиралов и более 7 тыс. офицеров. Погибло и умерло 54 чел., в том числе 45 офицеров. «Но более подробная информация о том многолетнем и кровопролитном конфликте, в котором участвовали мужественные советские военные, до сих пор остаётся засекреченной» [Там же: 326]. В ходе войны с Афганистаном было убито и искалечено 2,5 млн. афганцев, в основном гражданских лиц. По данным на 1 января 1999 г. безвозвратные потери СССР оценивались в 15 051 чел., 54 тыс. раненных, контуженных и травмированных, 416 тыс. заболевших. Это данные без учёта военнослужащих, умерших от ран и болезней в госпиталях на территории СССР. На поддержку афганского правительства из советского бюджета ежегодно выделялось 800 млн. долл., а на содержание 40-й армии и ведение боевых действий на территории Афганистана — около 3 млрд. долл. [Там же: 387–389].

В России до сих пор не опубликованы архивы НКВД об участии СССР в конфликте между поляками и украинцами в западных районах нынешней Украины, хотя монографические исследования уже существуют [Гогун 2004; Снайдер 2012: 189–264]. Во всяком случае необходимы данные о всех действиях структур партии, дипломатии, НКВД-КГБ, разведки, информации и идеологии во всех пространственно-временных хронотопах, в которых происходили межнациональные, конфессиональные и этнические конфликты.

Для движения в этом направлении можно использовать книгу Я.Карского, который уже во время второй мировой войны опубликовал личное свидетельство о ней [Карский 2012]¹². Но его книга опирается на опыт деятельности структур подпольного государства в условиях нацистской оккупации. В СССР аналогичных структур не было. Поэтому для начала можно опереться на общую оценку советских войн в книгах С.А. Алексиевич. Она написала историю проявлений домашнего, внутреннего социализма в индивидуальной человеческой душе на основе множества интервью с теми, «кто намертво прирос к идее, впустил ее в себя так, что не отодрать — государство стало их космосом, заменило им все, даже собственную жизнь», а также с участниками афганской войны, которые начали на ней прозревать.

Общий вывод С.А. Алексиевич таков: духовный опыт всех советских людей базируется на войне и революции; в советском обществе и государстве ложь, насилие и жестокость стали правилом социальной жизни; взявший в руки оружие человек выпадает из сферы морали; победа над фашизмом не сделала СССР великой страной; победители — это нравственно ущербные люди, а не герои. После Афганистана в стране образовалось «тысячи безработных военных, тех, кто знает только автомат и танк. Непригодных для другой жизни» [Алексиевич 2014: 8, 89, 203, 207, 208, 210, 213, 224, 225 и др.].

Этот вывод следует из анализа социально-психологического контекста афганской войны. О ней люди знали только официальную версию событий. Даже частные разговоры о войне практически были исключены. Большинство советских граждан считало: раз правительство послало туда войска, значит, надо. Других мнений не было. Даже женщины не плакали, война была далеко. В СМИ сообщали, что советские солдаты строят мосты, сажают аллеи дружбы, а советские врачи лечат афганских женщин и детей. На деле все участники войны видели разрушенные кишлаки и ни одного детского сада, построенной школы или посаженного дерева. Они были там в роли немцев в СССР во время советско-германской войны. А у аборигенов выработалось убеждение: русские ничего не могут, они только убивают¹³.

Командиры и «политнасосы» (так в советском экспедиционном корпусе называли политработников) обманывали солдат. Говорили, что они сначала должны поехать на целину, помочь убрать хлеб, а потом будут работать на новых машинах. Затем объявляли, что солдаты направляются в Афганистан выполнять воинский долг. Был совершён массовый обман, сви-

¹² В аннотации сказано: «Книга Яна Карского, легендарного курьера польского антигитлеровского Сопротивления, впервые вышла в 1944 г. и потрясла мир. Это уникальное свидетельство участника событий, происходивших в оккупированной Польше, разделённой между Германией и СССР по пакту Молотова-Риббентропа. Ян Карский сначала испытал ужас поражения от немцев, а затем оказался в советском плену. Чудом избежав Катыни, он вернулся в Варшаву и стал работать в подполье. Он первым принёс союзникам и польскому правительству в Лондоне весть о массовом уничтожении евреев нацистами. Однако не все захотели ее услышать» [Карский 2012]. К этому я добавлю, что до сих пор абсолютное большинство ростовчан о книге не слышали. Пусть жители других российских городов и весей выскажут своё мнение о книге, чтобы сделать вывод о населении нынешней России.

¹³ Может показаться, что эта оценка советских солдат афганцами является продуктом русофобии. Между тем И.А. Бунин писал: «Как надоела всему миру своими гнустями и несчастьями эта подлая, жадная, нелепая сволочь Русь». Он называл Россию «подлой, изолгавшейся страной», для которой характерен звериный индивидуализм («Каждый живёт только для себя»), признаками русского народа считал бестолочь, слабоволие, разрозненность, недоведение дела до конца, вечная вражда партий, подставление друг другу ножки, азиатское интриганство. [Устами Буниных... 2005, Т. 1: 127; Т. 2: 42, 314].

детельствующий о презрении власти к людям. Все солдаты были во вшах. Умирали за три рубля в месяц (восемь чеков). Их кормили мясом с червями, ржавой рыбой. За девять лет войны не придумали ничего нового в медицинском оборудовании для лечения раненных. Даже бинты и шины советского производства для наложения на сломанные кости не шли ни в какое сравнение с бинтами иностранных фирм.

Солдаты тоже не привыкли думать о политических проблемах: кто затеял войну и виноват в ней? У них был популярен такой анекдот: у армянского радио спрашивают: вы слышали, как писает комар? Политика — это ещё тоньше. Советский режим забивал сознание, на сопротивление не хватало сил. Командиры и солдаты, герои и трусы занимались бизнесом, о деньгах говорили больше, чем о смерти. Коллекция засушенных человеческих ушей рассматривалась как боевые трофеи и предмет хвастовства.

Перед возвращением солдат домой замполиты их напутствовали: о чем можно и нельзя говорить. Запрещалось говорить о погибших, неуставных отношениях. Фотографии требовали порвать, плёнки уничтожить. «Мы здесь не стреляли, не бомбили, не отравляли, не взрывали. Мы — большая, сильная и лучшая армия в мире» [Алексиевич 2007: 87; см. также: Алексиевич 2007: 37, 40–42, 52–58, 68, 74, 80–87, 95, 115, 121, 143, 155, 202 и др.].

Непризнанные государства как продукт подпольной войны

Нагорный Карабах стал первым прецедентом сращивания официальной политической лжи с внутренней политикой СССР и перенесения секретных войн внутрь страны¹⁴. Своевременного расследования и наказания виновников и участников первого кровопролития не произошло. Поэтому заключительная фаза существования СССР и возникших на его обломках государств есть процесс развёртывания лжи и погромов¹⁵. В марте 1988 г. был принят ряд постановлений Президиума ВС СССР, СМ СССР и ЦК КПСС. Одно из них отвергало возможность пересмотра принадлежности Нагорного Карабаха, причём под это решение была подведена законодательная база: недопустим пересмотр границ, которые закреплены в Конституции СССР, хотя на деле в этом документе не было пунктов, фиксирующих границы государственных образований. Карабахский вопрос перешёл из сферы права народа на самоопределение в сферу территории¹⁶. Иначе говоря, руководство СССР сочло возможным удовлетворять сепаратизм части государства и право самоопределения наций посредством

¹⁴ 20 февраля 1988 г. на сессии областного совета народных депутатов НКАО было принято обращение к верховным советам СССР, Армении и Азербайджана с просьбой о переводе НКАО из состава Азербайджана в состав Армении. Это решение имело роковые последствия. Первое кровопролитие произошло 22 февраля 1988 г. В этот день несколько тысяч молодых азербайджанцев вышли из азербайджанского города Агdam и вступили на территорию Аскеранского района НКАО с целью наведения порядка. Уже к вечеру армейские силы выдворили их оттуда. Было ранено около 50 чел., подверглись разрушению предприятия и строения. 27–29 февраля разгорелся конфликт в азербайджанском Сумгаите. Погибло несколько сотен армян, после чего они бежали в Степанакерт и Армению. О трагедии советские граждане узнали в марте 1988 г.; сообщалось, что в результате беспорядков погибло 26 армян и 6 азербайджанцев. На протяжении 1988 г. конфликт разрастался, происходили массовые погромы, число беженцев с обеих сторон увеличилось до сотен тысяч человек. В городах Армении и Азербайджана вводился режим особого положения. В ходе уличных беспорядков, организованных вооружённых нападений и действий силовых органов в Армении и Азербайджане риску подвергалось русскоязычное население, служащие МВД, мирные граждане, корреспонденты газет и ТВ.

¹⁵ «Судебные процессы, связанные с сумгайтскими погромами и их последствиями, тщательно замалчивались в Советском Союзе» [Ларин, Хватов 2012: 393].

¹⁶ «Такой ход со стороны Москвы имел под собой серьёзные основания, так как реализованное в ходе данного конфликта право народа (в данном случае населения Нагорного Карабаха) на самоопределение могло привести к фундаментальным преобразованиям советского режима, к которым главы ЦК КПСС не были готовы» [Ларин, Хватов 2012: 392–393].

передела территории. Это ещё раз свидетельствует об имперском отношении правительства к гражданам своей страны, когда они приравниваются к чужестранцам, в отношении которых допустимы методы, используемые прежде для укрощения дикарей [Фергюсон 2014]: 303].

На протяжении шести лет длилось бюрократическое осознание карабахской проблемы и попытки его силового решения¹⁷. Только в мае 1994 г. под давлением международных организаций стороны карабахского конфликта подписали соглашение о прекращении огня, которое вступило в силу в полночь 12 мая. Ключевую роль при заключении соглашения сыграла Россия. По результатам договора НКР стала фактически независимой от Азербайджана и получила под свой контроль юго-западную часть заявленной азербайджанской территории — до границы с Ираном. В то же время 15 % заявленной территории НКР попали под контроль Азербайджана¹⁸.

Суть проблемы в том, что непризнанные государства на территории бывшего СССР возникают за счет использования идеи тождества национальной независимости с государственным суверенитетом в единстве с практикой неопределённости границ и территории для создания прецедента империалистического передела территории внутри страны. Об этом практике ничего не пишет Ханна Арендт, хотя в теории внутренней колонизации такая ситуация известна давно. При этом правительство РФ принимает активное участие в организации дипломатических встреч лидеров Армении и Азербайджана, выполняя в регионе миротворческую миссию. Так или иначе карабахский конфликт создал прецедент передела территории под эгидой РФ. Во всех последующих случаях гибли десятки тысяч людей, растрчивались средства, легализовались правительственные структуры по «урегулированию конфликтов», увеличивались миротворческие войска, Россия пыталась примирить конфликтующие стороны, но эта цель до настоящего времени нигде не достигнута. Значит, преобразование цели в средство (в данном случае всех направлений государственной деятельности) устраивает всех формальных участников конфликта, — опять-таки в соответствии с теорией Ханны Арендт. СМИ представляют различные взгляды на процесс вызревания, протекания и следствия конфликта. Во всяком случае руководство России не пытается использовать концепции, ставящие под вопрос само право бесконечного «решения» проблем, для анализа которых недостаточно традиционного понимания войны, и институтов, сложившихся в период господства такого понимания.

В Приднестровье для инициирования конфликта и создания непризнанного государства была использована лингвистическая ситуация с одновременной ссылкой на общие интересы

¹⁷ 12 января 1989 г. по распоряжению Президиума ВС СССР был создан Комитет особого управления НКАО. Однако 28 ноября ВС упразднил данный Комитет и восстановил в НК прежнюю систему власти, а также создал республиканский оргкомитет на паритетных началах между НКАО и Азербайджаном. Вслед за этим 1 декабря 1989 г. принято постановление о воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха, что также способствовало дальнейшему разрастанию конфликта. В январе 1990 г. на границе между Арменией и Азербайджаном начались сражения, в которых была применена артиллерия. 15 января 1990 г. в Нагорном Карабахе и близлежащих территориях по указу М.С. Горбачева было введено чрезвычайное положение. 20 января в Баку ввели войска, по официальной версии для защиты армянского населения. 29 марта 1990 г. Верховный Совет СССР провёл закрытое заседание по рассмотрению Бакинских событий в январе. Азербайджанские представители потребовали рассмотреть действия советских войск. Руководство СССР в ответ напомнило им о погромах армянского населения. Но в связи с нестабильным положением власти в Азербайджане на его представителей не стали давить. Зато изменилась позиция по отношению к Армении и НКАО. 2 сентября 1991 г. (после провала августовского путча) в Степанакерте было объявлено о создании НКР, в границы которой включались территория бывшей НКАО и Шаумяновский район Азербайджана.

¹⁸ Потери обеих сторон конфликта составили от 15 до 25 тыс., убитыми, более 25 тыс. раненых, сотни тысяч мирных жителей были вынуждены покинуть прежние места проживания. Россия тоже понесла безвозвратные потери 51 чел., санитарные (раненные и заболевшие) 830 чел. [Ларин, Хватов 2012: 394-397].

всех наций¹⁹. Это может служить примером, как слово «интересы» используется для легализации вражды, без учёта новейших концепций интересов, в которых показана двусмысленность любых ссылок на интересы [Хиршман 2012]. Дальше пошли конфликты, в которых было применено оружие. Обе стороны обвиняют друг друга в развязывании вооружённого столкновения, не признавая за собой вины. «До сих пор не известно, кто же первым открыл огонь по противнику» [Ларин, Хватов 2012: 409]. Такие ситуации без труда могут провоцироваться спецслужбами, после чего начинается период права меча — неконституционного разрешения проблем, в ходе которого они решаются с помощью институтов, профессионально занятых синтезом политической лжи и насилия. На современном языке это называется «информационная война», о применении к анализу которой теории политической лжи я пока не слышал.

Создание других непризнанных государств шло также по сценариям реанимации племенных столкновений (грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты), в которых противоборствующие стороны реанимировали превращённый сепаратизм, втягивая Москву в конфликт с центром своего государства, используя для этого местных интеллектуалов и сервильные концепции историографии [Шнирельман 2006]. Параллельно происходила легализация парамилитарных структур для решения гуманитарных проблем, наращивания в регионах военного присутствия в виде миротворческих сил СНГ (под которыми выступают российские вооружённые силы) и силовое разрешение проблемы. До сих пор ни одна сторона не взяла на себя инициативу «решать проблему» без участия спецслужб, армии²⁰ и привязки российской

¹⁹ Перед 13 сессией ВС МССР распространилась информация о внесении поправок в законопроект от 30 марта 1989 г., согласно которым все делопроизводство в стране будет вестись только на молдавском языке. Поэтому 11 августа в Тирасполе был создан объединённый совет трудовых коллективов (ОСТК), на первом собрании которого этот проект был осуждён как дискриминационный и 21 августа начата политическая забастовка. В ней приняли участие жители Тирасполя, Бендер, Рыбницы. Не менее важно другое: легализация неконституционного собрания; сюда же относится контора под названием Интердвижение; проведение его на территории Приднестровья; Народный фронт Молдавии провёл Великое национальное собрание, в котором участвовало 500 тыс. чел. (т. е. большинство); было принято решение о молдавском языке как государственном. В ответ ОСТК провёл конференции 3–4 ноября, на которой была принята резолюция о проведении референдума уже не о языке, а по вопросу автономии. В декабре такие референдумы были проведены в Рыбнице и Тирасполе. 25 февраля 1990 г. были проведены выборы нового состава ВС МССР. Представители Приднестровья оказались в меньшинстве. 20 мая на митинге женщин-матерей депутатов от Приднестровья побили. 31 июля Президиум Тираспольского городского совета объявил, что на территории Приднестровья официальными считаются молдавский, русский и украинский языки, а на территории Гагаузии — молдавский, гагаузский и русский. 2 сентября 11 Чрезвычайный съезд депутатов всех уровней Приднестровья провозгласил создание независимой от Молдавии Приднестровской МССР в составе СССР. На этой территории располагались предприятия союзного ВПК. Она не была признана ни в Молдавии, ни в СССР. Но Горбачев высказался о необходимости учитывать интересы всех национальностей. Во время Приднестровского конфликта были легализованы комитеты по чрезвычайным ситуациям, создание добровольческих отрядов в России для поддержки приднестровцев, созданы партия ЛДПР и Евразийский союз молодёжи.

²⁰ Решения двигались по накатанному пути. Например, февраль 2006 г. ознаменовался очередным обострением российско-грузинских отношений. Поводом послужило ДТП между российским грузовиком «Урал» и частными «Жигулями» около грузинского села Тквиави. На место происшествия сразу стянулись различные военные подразделения: грузинский спецназ, российские миротворцы, южноосетинские боевые формирования. Столкновения не произошло, однако «Урал» был отправлен на штрафную стоянку в Гори грузинской полицией. После этого инцидента в адрес российских миротворцев посыпались обвинения и требования вывести миротворческие части из южноосетинской зоны конфликта. В ответ командующий смешанными силами по поддержанию мира М.М. Кулахметов заявил, что это можно осуществить только после принятия согласованного политического решения. При этом было обещано, что односторонние силовые акции будут, в соответствии с мандатом, пресекаться с применением оружия. Вслед за этим в российско-грузинских дипломатических отношениях последовали различные перипетии, приведшие в итоге к заявлению властей Грузии о необходимости размещения в зоне конфликта в Южной Осетии не только миротворческих контингентов России, но и Украины и других стран. Украина признала возможность осуществления такого решения, но ему не дали осуществиться. В июне

дипломатии и СМИ к конъюнктуре, а не международному праву. После завершения боевых действий «...противоборство сторон перешло в политическую сферу. Российские, грузинские и западные СМИ представляли и до сих пор представляют различные взгляды на произошедший конфликт» [Ларин, Хватов 2012: 475].

Все эти тренды воплотились в событиях в Украине. И.М. Клямкин проанализировал политику и пропаганду России в отношении данных событий на протяжении 2014 года и показал, что эта политика и пропаганда производят тотальную ложь, переплетённую с феноменом нелегальной войны: «Как можно определить происходящее сегодня в Украине? — ставит вопрос Игорь Моисеевич. — Его можно определить как нелегальную войну между государствами, когда она по факту есть, но факт этот не признается, и ее как бы и нет. Этот новый феномен ломает все прежние смысловые разграничения. Между войной и миром, между силовыми действиями, политикой и дипломатией. Все смешивается и спутывается в некоем межумочном состоянии, в котором все прежние инструменты разрешения конфликтов не работают, блокируя друг друга, а других нет» [Клямкин 2015: 67].

И.М. Клямкин предложил также перефразировать формулу Клаузевица: «Политика в России есть продолжение войны другими средствами, не способными обрести устойчивую самодостаточность и потому постоянно тяготеющими к превращению в военные» [Там же: 112].

Клямкин указывает 11 основных тем анализа, в состав которых входят: Майдан и его образы в России; Крым и «крымнашизм»; идея Майдана и идея Донбасса; исторические контексты; нелегальная война; нелегальная война и миротворцы; менталитеты; новый опыт Украины и Россия; персоны (В. Путин, Д. Медведев, С. Лавров, В. Володин, В. Чуркин, В. Зорькин, И. Гиркин, Д. Пушилин, М. Ходорковский, А. Дугин, С. Кургинян, А. Кончаловский, В. Пастухов); другие темы. Основные темы дробятся на множество информационно-аналитических процедур в отношении происходящих событий и фиксации лжи официальной (правительственной) точки зрения на каждое конкретное событие. В 2014 г. зафиксировано 292 случая официальной лжи.

Причём, это только в изложении Клямкина. Если добавить к ним рефлексию множества участников событий и независимых от российской политики и пропаганды наблюдателей, то объем материала для создания банка первичной информации о календаре внутренних и международных событий подпольной войны возрастёт в разы. Личная память о нелегальной войне между Россией и Украиной, написанная с точки зрения всех сторон, задействованных в конфликт, а также со стороны независимых медиа, ещё ожидает систематизации. На книжном рынке России пока преобладает пропагандистская макулатура, которая уже начала маскироваться под «научные трактаты»²¹. С учётом данного тренда я в заключение предлагаю применить к описанию нынешних отношений между Россией и Украиной бессмертный образ, тип и содержание разговоров «русских мальчиков» Федора Михайловича Достоевского [См.: Кудрявцев 1991], — на фоне ещё неподсчитанного числа могил «цинковых мальчиков» и их живых наследников.

2006 г. лидеры Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья подписали иную декларацию, в которой в противовес намерениям грузинских властей привлечь на территорию Южной Осетии миротворческие войска со всей Европы была признана недопустимость изменений в формате миротворческих операций в конфликтной зоне. В этот же период Э.Д. Кокойты старался добиться признания того исторического факта, что Южная Осетия была присоединена к Российской империи вместе с Северной Осетией и никогда не выходила из состава Российского государства.

²¹ Свежим примером является издание: Губарев, Медяник, Самыгин, Старостин 2017.

Выводы: перевод идей в политические эмоции

Первая часть книги «О насилии» может рассматриваться как развитие идеи о совпадении лжи и насилия, первоначально сформулированную в эссе «Истина и политика». Сверхзадача Ханны Арендт — создание такой концепции политического таланта (или «политического характера» — в терминологии М. Вебера), которая предполагает оперативное обнаружение новых тенденций в отношении между ложью, насилием и политикой и сопротивление им «здесь и сейчас».

К числу таких тенденций относится осознание парадокса, в котором выражен переворот в отношениях между властью и насилием. Анализ данного переворота включает критику идей и практики национальной независимости, государственного суверенитета, революции, прогресса и всех идеологий как практических воплощений культа насилия и всеобщей государственной рутины. При этом освоение опыта сопротивления довоенного и послевоенного поколений данным тенденциям приобретает ключевое значение, поскольку в нем отразилось многообразное насилие государства над обществом в сфере международной и внутренней политики. Все результаты анализа используются для переосмысления связи между войной и политикой ради создания теоретических предпосылок концепции власти, которая содержится во второй и третьей частях книги Арендт.

Но чтобы понять эту концепцию, в нее нужно вводить анализ указанных тенденций на основе эмпирического материала, в котором содержатся секретные (до поры до времени) данные обо всех войнах, революциях и спецоперациях политической полиции в каждом конкретном государстве на протяжении второй половины XX века. СССР/Россия здесь могут служить одним из эталонов, поскольку роль институтов насилия в нашей стране была и остаётся высокой [См.: Клямкин 2011: 261–306; Пастухов 2011: 143–159].

И все же на афганской войне произошло полное крушение веры в государство, оно стало предметом ненависти. Одновременно война превратилась в разновидность бизнеса. Приказы правительства соединяли ложь, насилие и бесчеловечное отношение к мирным жителям и собственным солдатам. Советская армия превратилась в машину, в отношении которой можно использовать целиком все принципиальные положения Ханны Арендт. Все официальные версии событий и вытекающая из них информационные войны надо поставить под вопрос, поскольку они укрепляют деятельность этой машины.

После второй мировой войны в СССР произошло сращивание официальной политической лжи с международной и военной политикой СССР. Война стала важным направлением государственных интересов, расходов, карьеры и заработка ведомств и лиц, причастных к ее проведению. Эти интересы сказались при распаде СССР, когда Москва стала закулисным участником переворотов и сепаратистских конфликтов и регулярно применяла для их «решения» рычаг тайных операций [См.: Дерлугьян 2010: 356–467]. Обретённый за рубежом опыт стал применяться внутри страны — в соответствии с теорией бумеранга, сформулированной Розой Люксембург и развитой Ханной Арендт, который надо дополнить всеми практиками внутренней колонизации [Люксембург 1991; Эткинд, Уффельман, Кукулин 2012].

Я предлагаю использовать выражение «нелегальная война» как концепт, удовлетворяющий критериям дискуссионности. Возникает возможность расширить теорию Ханны Арендт за счёт тематики, о которой она упоминает, но детально не анализирует. Речь идёт о систематизации эмпирического материала под углом зрения главной правды XX века. И.М. Клямкин осуществил первичную систематизацию этой правды в XXI веке, в которой фундаментальная проблема взаимосвязи лжи, насилия и политической бездарности переводится на уровень анализа ежедневного процесса государственной политики и пропаганды России и сопротивления ей на всех участках, темах и направлениях. Это даёт возможность связать общие теории войны и мира (включая кон-

цепцию Арндт) с проблемой адекватного описания каждой конкретной войны XX века и всех нелегальных войн СССР/России с выявлением меры официальной государственной лжи по поводу каждой из них в целом, а также в отношении наиболее важных лиц и событий войны. С учётом того, что выжившие её участники, если им удалось забраться на вершину власти (от Хрущева до Путина), взамен реальной истории всегда предлагают свою иерархию «важности», которая преобразуется в официальную историю, политику и пропаганду.

Алексиевич С.А. 2007. *Цинковые мальчики*. — М.: Время.

Алексиевич С.А. 2014. *Время секунд хэнд*. — М.: Время.

Арндт Х. 2008. *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. — М.: Издательство «Европа».

Арндт Х. 2014а. Истина и политика. — Арндт Х. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. — М.: Изд-во Института Гайдара.

Арндт Х. 2014б. *О насилии*. Пер. с англ. Г.М. Дашевского. — М.: Новое изд-во.

Беляков С. 2017. Военная тайна. Можно ли подсчитать потери Советского союза в Великой Отечественной войне? — *Новый мир*. — № 2.

Волков В.В. 2012. *Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ* / Вадим Волков. — изд. 3-е, испр. и доп. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Волковский Н.Л. (ред.-сост.). 2000. *Тайны и уроки зимней войны. 1939–1940: по док. рассекреч. арх.* — СПб.: Полигон.

Гогун А. 2004. *Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы*. — СПб.: Издательский Дом «Нева».

Гонтмахер Е. 2016а. Современная Россия: очерки социальной жизни. Часть I. Расставание с Советским Союзом. — *Звезда*. — № 10.

Гонтмахер Е. 2016б. Современная Россия: очерки социальной жизни. Часть II. Социальный рай 2000-х? — *Звезда*. — № 11.

Гонтмахер Е. 2017а. Современная Россия: очерки социальной жизни. Часть III. Социальная жизнь в условиях экономического застоя. — *Звезда*. — № 1.

Гонтмахер Е. 2017б. Современная Россия: очерки социальной жизни. Часть IV. «Россия во мгле»? — *Звезда*. — № 2.

Губарев П.Ю., Медяник И.А., Самыгин С.И., Старостин А.М. 2017. *Государствообразующие процессы в современном геополитическом пространстве*. Коллективная монография. Научн. ред. А.М. Старостин. — М.: РУСАЙНС.

Дерлугьян Г.М. 2010. *Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе* / Авторизованный пер. с англ. — М.: Изд. дом «Территория будущего».

Джонсон П. 2001. *Популярная история евреев*. — М.: Вече.

Дубнов С.М. 1998. *Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени*. — СПб.: Петербургское востоковедение.

Карский Я. 2012. *Я свидетельствую перед миром. История подпольного государства*. Пер. с франц. Н. Мавлевич. — М.: Астрель: CORPUS.

Клямкин И.М. 2011. Демилитаризация как историческая и культурная проблема: доклад на семинаре «Куда ведёт кризис культуры» в фонде «Либеральная миссия». — *Куда ведёт кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов*. — М.: Новое изд-во.

Клямкин И.М. 2015. *2014. Год Украины*. — М.: Фонд «Либеральная миссия».

- Койре А. 2013. Размышления о лжи. — *Ежегодник по феноменологической философии. 2013 (III)*. Гл. ред. В.И. Молчанов. — М.
- Кудрявцев Ю.Г. 1991. *Три круга Достоевского*. — М.: Изд. МГУ.
- Ларин М.Ю., Хватов А.В. 2012. *Неизвестные войны России*. — М.: ООО «Дом славянской книги».
- Люксембург Р. 1991. *О социализме и русской революции: Избранные статьи, речи, письма*. — М.: Политиздат.
- Макаренко В.П. (отв. ред.). 2015. *Интеллектуальная тревога: проблема лжи и цинизма в политике*. — Ростов-на-Дону: Изд. ЮФУ.
- Маннергейм К.Г. 2014. *Мемуары*. Пер. с финс. Б.С. Злобина. — М.: АСТ.
- Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (ред.). 2016. *Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регулятивов современных обществ*. — М.: Политическая энциклопедия.
- Набоков В. 1996. *Лекции по русской литературе*. — М.: Независимая газета.
- Олейник А.Н. 2001. *Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти*. — М.: ИНФРА-М.
- Олейник А.Н. 2011. *Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*. — М.: РОССПЭН.
- Пастухов В.Б. 2011. Предчувствие гражданской войны. От «номенклатуры» к «клептократуре»: взлёт и падение «внутреннего государства» в современной России. — *Полис. Политические исследования*. — № 6.
- Пятигорский А. 2007. *Что такое политическая философия: размышления и соображения. Цикл лекций*. — М.: Европа.
- Снайдер Т. 2012. *Перетворення націй: Польща, Україна, Литва, Білорусь 1569–1999*. Пер. з англ. — К.: Дух и літера.
- Тайны национальной политики... 1992. *Тайны национальной политики ЦК РКП. «Четвёртое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г.»*. Стенографический отчёт. — М.: ИНСАН.
- Устами Буниных... 2005. *Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы, под редакцией Милицы Грин. В двух томах*. — М.: Посев.
- Фергюсон Н. 2014. *Империя: чем современный мир обязан Британии*. Пер. с англ. К. Бандуровского. — М.: АСТ: CORPUS.
- Хиршман А. 2012. *Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа*. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос... 2005. *ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг.* Составит. Л.С. Гатагова и др. — М.: РОССПЭН.
- Шнирельман В.А. 2006. *Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Эткинд А. 2001. *Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. (ред.). 2012. *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Ямпольский М. 2014. От бытия к инструментальности. Насилие входит в мир. — Арендт Х. *О насилии* / Пер. с англ. Г.М. Дашевского. — М.: Новое издательство.